

МУЗЕЙНОЕ ТАЧНО

рассказ

Борис ГУЩИН

г. Петрозаводск

Ожидание вечера было обуреваемо одной нескончаемой мыслью: вот он подойдёт к школе, постучится в зелёную заветную дверь каморки, где когда-то была теперь никому не нужная кубовая¹. Она писала в длинных письмах, что сейчас на круглом бетонном основании того самого куба стоит её кровать, покрытая спальным мешком в цветочек. Сегодня вечером они наконец-то дадут волю своим чувствам, теперь уже, как казалось, навечно переполнявшим их с той первой встречи.

Конечно, и другие мысли шевелились в его голове, но эта довлела.

Вдруг вся эта достаточно сложная чувственно-умственная конструкция разом рухнула. Кристина сама встретилась на их с Варей пути к районному начальству.

Это событие можно было и предугадать, но Фёдору почему-то оно казалось маловероятным.

Крыська остолбенела, словно в игре «замри», и зашлась краской, не в силах вымолвить ни слова. Столь же ярким столпом стояла и Варвара.

Наконец Кристина решилась:

– Зайдешь?

– Вечером.

Разошлись.

Варвара молчала, дыша каким-то тяжёлым сопением на всём их длинном пути к районной администрации. Он, конечно, ждал её реакции на столь неожиданную встречу, но никак не мог предположить, во что она выльется.

Уже на крыльце этой самой администрации, райкомовская архитектура которой, невзирая на рекламу нового шопингхауза, ностальгически нагло пёрла наружу, Варя, с трудом успокоив дыхание, вполне дружелюбно, но с еле улавливаемой горечью сказала:

– Женись на Крыське, дурак. Этим ты осчастливишь хоть одну женщину в мире. – После небольшой паузы она продолжила: –

¹ Кубовая – подсобное помещение, оборудованное для подогрева воды.

Больше ты никому не нужен. И никогда не будешь. Помяни мои слова.

У него напрашивался вопрос: «И тебе?», но, слава богу, на редкость благоразумно, улетучился.

В администрации у них спросили паспорта и сразу шлёпнули штампы на командировочные. Вспомнился загс. Мендельсона только не хватает. В голове после встречи с Крыськой возникла полная каша. Федя с трудом сообразил, зачем Варя толкает его в бок и шепчет на ухо:

— К Анатолию Ивановичу надо обязательно зайти. Спроси у секретарши.

Совсем забыл. И вправду надо.

В центре сельского поселения Карпозеро, под Теплогорском, куда они приехали в экспедицию от областного музея, не оказалось ни гостиницы, ни желающих пустить на ночлег трёх разнополых молодых людей, да ещё с микроавтобусом. Начальник деревенской администрации предложил ночевать в его конторе (простите, в «офисе»). Водитель Валера (кроме как «пилотом» Варвара его не называла) сразу сказал, что ему удобно и привычно ночевать в автобусе, а Федя с Варей, оглядев «офис», разместившийся в типовом совхозном доме еще 1970-х годов, согласились.

В каждом из двух кабинетов стояло по удобному кожаному дивану. В спальниках на них будет вполне миленько. Вообще, для сельского офиса обстановка была довольно приятной. С диванами вполне гармонировали несколько таких же стильных кресел, чёрных, кожаных, удивительно лёгких на вид, но традиционно тяжёлых на вес.

Высокий чёрный кулер стоял меж окон офисной гостиницы, в другом межоконье тускло светлела некогда белизна, а теперь уже желтизна, древнего пузатого «Саратова». Хорошо. Есть где еду хранить. И кулер — хорошо. Жить можно.

А вот на большее у местного начальства денег, очевидно, не хватило. По стенам стояли светлые, отделанные под ясень и тем не менее тяжеловатые на вид шкафы. Несколько казенных столов ещё того обстоятельного присталинского дизайна диссонировали со всем остальным. Ну уж столы-то ведь можно заменить! На одной из стен висел, похоже, живописный (Фёдор, подойдя поближе, так и не понял, масло или искусная копия) портрет президента в дорогой современной резной раме. На противоположной стене висел в

простенькой рамке, наверняка сделанной руками местного умельца, агитационный плакат, призывающий отдать голоса за некогда кандидата в депутаты, а нынче относительно молодого главу района Анатолия Ивановича Лагутина. Мелким шрифтом были перечислены, очевидно, биографически-героические данные его как успешного деятеля не только районного, но и питерского так называемого «бизнеса».

Варвара подошла к портрету и долго стояла перед ним.

— Понравился?

— А что, если да? Тебе-то какое дело? — кажется, Варвара уже не в первый раз пыталась испортить отношения.

Да бог с ней! Федя как-то уже примирился со вспыльчивым характером коллеги-начальницы и не особенно переживал за иногдашние капризы Вари, которая работала в музее уже не первый год. Относительно либеральное начальство тоже сквозь пальцы смотрело на её девичьи (без пяти минут — стародевичьи) заскоки. Зато в любой экспедиции ей цены нет. Полный автобус всякого утиля навезёт. И ещё сумеет доказать начальству, что каждая железка, каждая деревяшка, каждая тряпка музею просто необходимы, а кое за что и заплатить не мешало бы, причём очень хорошие деньги. Фёдор ещё только-только начал входить во вкус этой казавшейся на первый взгляд старьёвщицкой работы, которая в его сознании медленно, но превращалась в антикварно-искусствоведческую. И в этом была заслуга не только книг, которые он проглатывал, то уясняя для себя всю суть, то лишь выхватывая отдельные детали, но и Варвары. Общение с ней, разговоры по делу, иногда даже простой трёп, который всегда был окрашен у неё некой музейной романтикой, постепенно зачаровывали Фёдора. Варя, в отличие от него, с детских лет занималась в краеведческом кружке Теплогорского районного музея, которым руководил человек из когорты оголтелых провинциальных русских энтузиастов-музейщиков — Артём Федотович Пароходов, на которого, как и на ему подобных, большинство обывателей, да и начальство тоже, смотрели как на городских сумасшедших. Прямо скажем, основания для этого были. Сейчас Пароходов смотрел на свою любимую ученицу как на явную соперницу по части музейно-собирабельского энтузиазма.

Перед отъездом в Карпозеро Варя с Федей навестили восьмидесятилетнего энтузиаста. Встреча состоялась в пароходовском музее. Артём Федотович вёл себя настороженно-приветливо, церемонно, с лёгким оттенком профессиональной ревности показывая новые экспонаты. Особая гордость сквозила в глазах и словах, когда он доставал старопечатные и рукописные книги из какого-то, как показалось Феде, облезлого, грязного, недостойного музея сундука.

— Восемнадцатый век! — с гордостью сказал Федотыч, оценив Федин взгляд.

Он вынимал книги одну за другой, некоторое время держал каждую на почти вытянутых руках и привычным движением губ сдувал давно не существующую от частых демонстраций пыль. Только Федя протягивал ручонки, чтобы хоть прикоснуться к удивительным раритетам, как книга тут же исчезала в недрах облезлого шкафа.

За чаем с морозковым вареньем в своём кабинете Артём Федотович активно отговаривал их ехать в Карпозеро, утверждая, что они ничего там не соберут, так как он сам капитально обшмонал это озеро по всему берегу, а вширь — аж километров на двадцать. Так что вот, дорогие мои, поезжайте-ка в Кормозеро, там и конь не валялся. Федя развесил уши и уже мысленно настроился на Кормозеро.

Варя же, выходя из музея, сказала:

— Ага! Будем слушаться Федотыча с точностью до наоборот. В Карпозеро, я это точно знаю, он только заезжал, но особо там не активничал, а мы с тобой пошарим. Да ещё как пошарим! Не бэ, Федя! Не страдай, тебе говорю. Сейчас же мы выезжаем в Карпозеро. Валера, едем на заправку! — попутно скомандовала она водителю и опять повернулась к Феде: — А ты со своей ненаглядной Крысей встретишься на обратном пути. Сутки тебе даю на свидание. Сейчас не могу. Уж извини, Феденька, мы ведь с тобой на работе, а не...

Варя осеклась. Интересно, что она думала этим «не...»

Вот так они и попали на эти кожаные диваны.

— Утром в полдевятого чтобы я вас в офисе уже не видел, а вечером приходите к шести. Мне заодно расскажете, где были, что видели, что собирали, — наказал им начальник деревни.

Заночевали в «офисе» без эмоций и приключений. Всё сделали, как учили.

Прошла и вторая ночь. А на следующее утро в семь часов сильным стуком в дверь их разбудил начальник:

— Варвара Ивановна, я должен вас огорчить и отказать в постое. Вчера вечером мне позвонил Артём Федотович Пароходов... и... порекомендовал отправить вас из села, так как вы не имеете никакого права грабить нашу старину на Карпозере. Я понимаю, что все документы у вас в порядке, что вы действительно имеете право, но я как патриот своего села...

«Да, — подумал Федя, — как сказал Жванецкий, «мудрость и маляра приходят одновременно».

Судя по внешнему виду всклокоченной Вари, она, похоже, что-то задумала:

— Сергей Владимирович, подождите. Не горячитесь.

Она подошла к портрету депутата Лагутина и зачем-то подула ему в лицо, как будто хотела протереть несуществующее стекло, за которым зримо скрывался народный избранник.

Действительно, чего это она?..

— Ну что же. Придётся пожаловаться на вас Толику, — произнесла она задумчиво.

— Не понял. Какому такому Толику?

— Да вот этому. Лагутину.

— Вы знакомы?

— Я его...

Федя подумал, что сейчас она ляпнет: «...любовница».

Но Варя сказала:

— Я его однокурсница...

Какая к чертям однокурсница. Он вроде бы намного старше.

— Мы вместе на заочном учились.

На заочном учились!.. Тот поди-ка диплом в метро купил. А впрочем, кто его знает...

На лице чиновника нарисовалось несколько странное недоумение, и после некоторого молчания из его уст прозвучало:

— Варвара Ивановна, если хотите, позвоните Анатолию Ивановичу. Номер его мобильника есть у вас?

На лице начальника появилась слегка глумливая улыбочка.

— Есть. Но не хочу. Он человек деловой. Иначе не преуспел бы и в бизнесе, и в политике. А вот когда приедем в Теплогорск, мы обязательно встретимся... с Толиком.

— Деловой, деловой, — Сергей Владимирович

опять как-то странно улынулся. — Ладно. Оставайтесь и живите сколько вам надо...

Когда в Карпозере дела завершили, вернулись в Теплогорск, зашли в большое административное здание в центре города. Поднялись в приемную. Варя толкнула Федю в бок и прошептала на ухо:

— К Анатолию Ивановичу надо обязательно зайти. Спроси у секретарши.

«Совсем забыл. И вправду, надо», — вспомнил Федя.

Он глянул на секретаршу. Да... Такую секретаршей и назвать-то нельзя. Это и есть настоящая ресепшионистка. Жар-птица из столицы. На голове множество разноцветных косичек. В меру подкрашенное милое кинематографическое личико с огромными хлопающими ресницами и прикид если не от Армани, то уж точно купленный в одном из столичных бутиков.

— Здравствуйте. Мы бы хотели увидеться с Анатолием Ивановичем.

«Жар-птица» с едва уловимым презрением окинула взглядом фигуру Федя в рабочей экспедиционной одежде. («...Всё. Теперь надо специально заказывать для экспедиций нечто фирменное. В таком виде представляться таким девушкам — позор. Надеюсь, что Варвара докажет это директору»). Федя прямо сжигал ресепшионистку страстным чувственным взглядом, и она растаяла. Улыбнувшись и неоднократно хлопнув ресницами, она нежно, как показалось Феде, спросила:

— Как вас представить?

— Черногорова Варвара Ивановна и Чапов Фёдор Петрович, сотрудники областного музея.

Секретарша нажала кнопку и представила.

— Прошу.

Они зашли в кабинет, обставленный точно так, как рекомендует журнал «Интерьер».

Из-за стола вышел поджарый мужчина неопределённых лет с короткой седеющей стрижкой и усами, напоминающими моржа из всех мультфильмов сразу. Анатолий Иванович был одет в великолепно сидевший на нём светлый костюм. Модную полосатую рубашку почти полностью закрывал знаковый малиновый галстук. Во время приёма на лице чиновника иногда появлялись и тут же исчезали красные пятна. «Вероятно, пох-

мельного происхождения», — подумал Фёдор. Лагутин тепло поздоровался с вошедшими.

— Анатолий Иванович, а мы пришли к вам повиниться. Возможно, мы вас нечаянно обидели. Особенно я, — начала Варя.

— Чем может обидеть меня столь интересная женщина?

Варя рассказала чем.

— Ой, не могу! Ну и насмешили вы меня! Толик! Да меня с рождения отец с матерью Толяном обзывали. Да и сейчас за глаза кликуха у меня — Толян. Умора! Толик!

Отсмеявшись, он вызвал в кабинет «жар-птицу».

— Кофе.

Вскоре та принесла на широком лаковом подносе маленький кофейник, три чашки и коробку конфет. Он сам разлил кофе по чашкам, открыл стол, достал рюмки и початую бутылку «Хеннеси».

— За знакомство?

— Анатолий Иванович, извините, но мы вынуждены отказаться. У нас ещё деловой визит, связанный с деньгами. Как-нибудь в другой раз.

— С удовольствием встречусь с вами ещё раз. А сейчас и сам не буду.

Он с явным огорчением убрал бутылку с рюмками и тихонечко включил крохотный магнитофон.

— «Владимирский централ». Михаил Крут поёт. Думаю пригласить его в Теплогорск. Устроим вечер. Познакомим наших людей с настоящим искусством. Плачу, когда слушаю. Правда, какая прелесть. А то мне жена в Питере все уши прожужжала: «Опера, только опера». Да сплю я в твоей опере. А здесь. Вот они — настоящие чувства.

Выпили и по второй чашечке.

Лагутин выдал им по визитке, а Варваре сказал: — Всегда вам помогу. Если будете звонить, то обязательно называйте меня «Толик». Умора!

И он так весело захохотал, будто бы более смешного ничего не слышал.

На выходе Федя произнёс:

— Купил.

— Ты о чём?

— О твоём однокурснике. Диплом он купил в Питере. На Невском. В подземном переходе.

— Сволочь ты, Федька. Ни за что ни про что обижаешь симпатичного человека. Ведь он

нам не раз поможет. Между прочим, я слышала, что он кандидат наук. Так что стыдно, Федя. Стыдно.

— А кандидатскую... Конечно, бери выше. Это уже в другом переходе. В столице. Между «Театральной» и «Площадью революции».

— Какой ты злой, Федька!

— Давай лучше на другую тему. Куда сейчас?

— А вот сейчас, Феденька, приготовься. Мы с тобой идём покупать платок золотного шитья к Трофиму Прокофьевичу, за который прошлый год он заломил такую цену, что мне пришлось от него отказаться. Ты у меня сейчас будешь экспертом-искусствоведом из Петербурга. Задача у тебя проще простой: постоянно занижать цену, находя в платке существующие и несуществующие изъяны. Ясно?

— Вполне.

Как ему осточертела эта Варвара!

Скорей бы вечер...

...Федя познакомился с Кристиной в большой молодёжной компании, состоящей в основном из студентов старших курсов.

Хотя Федя и окончил вуз уже несколько лет назад, внешнее студенчество никак не хотело выветриваться из сознания. С выпускницами вузов всегда интересно. Выяснилось, что Кристину он заметил просто где-то на улице. Причём давным-давно. Впрочем, как и она его.

И понеслось.

После обильно скромного застолья в студенческом общежитии он пошёл провожать Кристину на окраину города, где она снимала комнатку на чердаке.

В комнатке стояла широкая тахта, покрытая спальным мешком в цветочек. На стенах было несколько книжных полок. Их явно не доставало. На полу книги стояли стопками. В углу на столе — микроволновка. Похоже, Кристина совсем не готовит. На стене висела фотография длинноволосого дядьки с бородкой клинышком. Вроде Бальмонт. Впрочем, не уверен.

Сели. Закурили.

— Федя, меня все называют Крысей, на польский манер. Можешь меня тоже так называть. Мне нравится. Мы сейчас на последнем курсе немного польский учили. Так я, кажется, становлюсь полономанкой.

— Не понимаю. В польском такие смешные,

на наш русский слух, слова. Даже «красота» у них «урода». А духи... Кажется — «вонявки». А впрочем, «Крыся» тебе идёт. Что-то от польки в тебе, наверное, есть.

— У мамы поляки с белорусами в роду. Даже какой-то поэт из XIX века по фамилии Вышнепольский вроде бы наш предок.

— Что, на самом деле?

— Интересовалась. Не нашла такого поэта. — Кристина взяла с пола толстую книгу и протянула гостю. — Вчера купила. Антология поэзии Серебряного века. Погадай мне.

— Какую страницу открыть?

— Что-нибудь вначале. Скажем, страницу двадцатую.

Федя открыл. Прочёл про себя. Покраснел. И захлопнул том.

— Ты что, Федя?..

— ...Ты что, Федя? На ходу спишь. Очнись. Мы уже на подходе к Трофиму Прокофьевичу, — толкнула его в бок Варвара.

Они шли по улице старого уездного города, прелесть которого была слегка подпорчена послевоенными двухэтажными бараками и хрущёвскими пятиэтажными небоскрёбами. В основном улица состояла из милых старинных одноэтажных домиков.

— Это, Федя, и есть русский провинциальный классицизм, — заметила Варя.

— Соображаю. Симметрия главных фасадов, простенки по ширине не уже окон и т.д. А окошечки обязательно с наличниками. Совсем не обязательно с резными. Углы — этакие крашенные пилястры и тесовые обшивочки.

— Соображаешь. Вот и дом Трофима Прокофьевича. Этот самый классицизм и есть. Свою роль не забыл?

— Помню. Как учили, Варвара Ивановна.

Варя постучала в дверь. Через какое-то время раздался старческий с лёгким дребезжанием голос:

— Кто там?

— Варвара Ивановна Черногорова из областного музея и Чапов Фёдор Петрович, эксперт из Петербурга.

Дверь открыли, отодвигая щеколды и снимая крючки с цепочками.

— Вот радость-то! — воскликнул хозяин. — Я уже заждался. Думал, и не приедете уж. А

насчёт плата, как и договаривались. Никому, кроме вас. Добавьте только. Я насчёт цены.

— Я пригласила проконсультировать нас Фёдора Петровича. Он участник лондонских аукционов антиквариата «Кристи» и «Сотби». Уж он-то вам цену скажет до копейки...

«...Эх, хоть бы одним глазком глянуть на этот Лондон...»

Морщинистое и непонятно почему постоянно брезгливое лицо Трофима Прокофьевича разгладилось и просветлело.

— Проходите... Чайку?

— Спасибо. От чая мы, пожалуй, откажемся, а платом с вашего позволения полюбуемся.

Фёдор обвёл взглядом горницу — типичный мещанский интерьер столетней давности. Шедров, похоже, нет, но обстановочка такая, что хоть всю в музей перевозки. Впрочем, зачем? Пароходов, наверное, уже свою лапу наложил. А платочек-то слабб ему купить. Таких денег у районных музеев нет и никогда не будет.

Вот и сам плат, вынутый хозяином из древнего, крашенного под старое дерево с разводами комода. Трофим Прокофьевич развернул его во всём блеске и полностью накрыл им стол:

— А?!

Таких платков Федя ещё не видел, но, предвзвешенно настроенный Варварой, кое-что успел почитать перед экспедицией.

Плат ярко поблескивал выпуклыми золотыми узорами из то ли реальных, то ли фантастических пятилистников. А в центре всей этой золотой ботаники разлапился еле уловимый из-за своей крутейшей стилизации двуглавый орёл. А может, и вовсе не орёл. Федя задумался.

— Я говорила о вашей цене своему начальству и консультировалась в Русском музее. Платок действительно дорог, но всё-таки не настолько.

— Хорошо, — миролюбиво согласился Трофим Прокофьевич, — предлагайте вашу цену, а я послушаю.

Варвара начала:

— Сначала о происхождении этого платка... Вышивание золотом женских головных платков было развито здесь, на севере, и связано с каргопольским Успенским женским монастырём.

— Да-да, — поддакнул Трофим Прокофьевич, — моя бабушка говорила, что её мама родилась в Каргополе.

— Монахини обучали этому ремеслу прежде всего деревенских матушек, а те — и всех остальных. Сейчас такие платки встречаются не особенно часто. Но встречаются. Платки эти настоящие произведения искусства. Вы только посмотрите, как швы-узоры создают мерцающую поверхность орнамента, обогащая её лёгкой светотенью и рельефной игрой того же орнамента. Какая красота! А вы что скажете, коллега?

Федю понесло. А что?.. Как учили.

— Начнём с жанра. Известно, что по набору швов подобные вышивки назывались или «малинка», или «денежка». Здесь же мы видим полное смешение всех стилей золотного шитья. И ещё. Обратите внимание на материал. Миткаль, а не шёлк.

— Идиот, — прошипела ему на ухо Варвара, — на эти платки миткаль шёл всегда. Обыкновенный фабричный миткаль.

Федю уже обуял спортивный азарт. Сбавлять цену так сбавлять.

— ...Опять же цветность. Посмотрите на этот угол. Он несколько желтоват. К тому же по всему периметру платок не подбит. Видите, махрится...

— Сам ты, сволочь, махришься! — опять прошипела ему в ухо Варвара.

— ...Так что ваши сто семьдесят тысяч, Трофим Прокофьевич, явно завышены. Вот ещё дефект. На одном из бутонов «карта», подкладочка из картона, вылетела. Красная цена вашему платочку — семьдесят тысяч.

— Ну, а раз завышена, то и разговор окончен, молодые люди, — сказал Трофим Прокофьевич, явно намереваясь убрать плат снова в комод.

Варвара аж взвизгнула:

— Что ты наделал?!

— Что и просили, — поджал губы Федя.

— Избалова-али тебя, Фёдор Петрович, в этом твоём Лондоне, то есть Питере, — почти ласково протянула Варвара, натужно улыбаясь, чтобы сгладить неловкость. — Это подлинное произведение искусства, и после небольшой реставрации оно вновь засверкает своими подлинными красками. Трофим Прокофьевич, Фёдор Петрович прав в одном: ваша оценка несколько завышена — это скажет любой эксперт.

— Хорошо, — деловито кивнул хозяин. — Сколько вы можете предложить? Конкретно?

— Сто тысяч, — с готовностью выпалила Варвара.

— Ну хотя бы сто десять...

— Согласна. Мы оформим документы, но окончательное решение будет за нашей фондовой комиссией. Я уверена не в пример вам, Фёдор Петрович, что ниже ста десяти оценки не будет.

После небольшой паузы, во время которой брезгливое выражение лица Трофима Прокофьевича несколько раз менялось, тем не менее, не теряя брезгливости, он наконец произнёс:

— Согласен. А деньги?

— В прошлый раз я объясняла вам, что мы не платим наличными, а оформляем все документы, забираем плат. После оценки фондовой комиссией музей высылает деньги... Или вещь. Так что давайте паспорт и ИНН.

— А не обманете? Кто мне даст гарантию?

— Анатолий Иванович Лагутин вас устроит?

— снова козырнула именем Варвара.

— Толян-то? А вы что, знакомы?

— Мой приятель.

— Бог с ней, с гарантией, — кивнул Трофим Прокофьевич. — Забирайте.

Выйдя от Трофима Прокофьевича, Варвара набросилась на Федю:

— Ты что, совсем опупел? Заставь дурака бога молиться... Ты хоть соображаешь, что затронул гордость владельца шедевра. Убить тебя мало! Хорошо хоть я не сорвалась там, у Трофима Прокофьевича.

У Федю уже отключилось реле музейного собирателя, и он снова был с Кристиной.

— ...Ты что, Федя? Дай сюда книгу!

— Не дам.

Кристина бросилась на Федю и стала отнимать книгу, но тот цепко удерживал её, не желая выпускать из рук. Вскоре, запыхавшись, они весело барахтались на тахте, и книга всё-таки оказалась в руках Кристины. Она спрыгнула с тахты, открыла двадцатую страницу, покраснела.

— Ну что же ты, победительница? Читай!

— Ладно. Если ты так настаиваешь... Слушай...

— Было видно, что Кристина должна настроиться, переломить себя... Наконец она начала:

*Она отдалась без упрёка,
Она целовала без слов.
Как тёмное море глубоко,
Как дышат края облаков.*

*Она не твердила: «Не надо»,
Обетов она не ждала.*

*Как сладостно дышит прохлада,
Как тает вечерняя мгла!*

Она не страшилась возмездья,

Она не боялась утрат.

Как сказочно светят созвездья,

Как звёзды бессмертно горят!

Воцарилось молчание.

Потом Кристина с видимым смущением произнесла:

— Это я сказала. А ты, Федя?

— Крысечка, я тебе гадал по книге. А теперь ты мне.

— Говори страницу.

— Тридцать восьмая.

— Федя, тут только последние две строфы чуждого стихотворения. Всё читать или последние две.

— Читай последние.

— Слушай:

*Ты будешь доволен собой и женой,
Своей конституцией куцой,*

*А вот у поэта — всемирный запой,
И мало ему конституций.*

Пусть я умру под забором, как пёс,

Пусть жизнь меня в землю втоптала, —

Я верю: то Бог меня снегом занёс,

То вьюга меня целовала.

Кристина помолчала и спросила:

— И как это понимать, Федя?

— А что тут понимать! Ты мой снег! Ты моя вьюга!

Серебряный век поглотил их с первого взгляда. Спальный мешок в цветочек был сброшен на пол за полной ненужностью. Им не было холодно.

Федя тотчас привык к Кристине и не представлял уже жизни без неё.

Он скучал и сходил с ума, когда Кристина зачем-то уехала на практику в Теплогорск, скрежетал зубами, когда она сказала, что ей там понравилось («ученики и учителя светятся, и от этого обстановка в школе какая-то добрая»), её там приглашают после института поработать, и она склонна согласиться.

— Да не переживай ты так. Они мне говорят,

что если не понравится, то я в любой момент смогу уехать.

— А если понравится?

— Слушай, я об этом пока не думаю. Ты ко мне будешь приезжать, если, конечно, захочешь.

— Захочу. А ты?

— Если смогу...

...И снова к Феде прорвался Варварин долбёж.

— ...Если хочешь знать, у меня главной целью этой экспедиции была покупка золотного платя. Без него лично мне стыдно появиться в музее. А тебе хоть бы хны! Чуть ли всё нам не сорвал! Полная бессмыслица всей поездки была бы.

— Не сорвал же.

— В этом твоей заслуги нет... Ладно. Сейчас идём к нам и думаем о вечернем прощальном банкете. Думаю, что мама с Валерой уже начали там суетиться.

— Федотыча приглашаем?

— Ну ты и ехида, Федька. Всем тебя Бог наделил, кроме совести.

Да ему-то какое дело до прощального банкета?! Он идёт к Кристине. И наверняка на всю ночь...

...Двадцатая страница... Двадцатая страница...

Только сейчас ему пришло в голову... Скорее всего она знала, что там, на этой самой странице. Она же до этого листала книгу. Ну и что? Это лишний раз доказывает, что с первого взгляда, а, скажем, не со второго, если даже и подстроила барышня. Чего в этом плохого? Он-то загадал не зная. А между прочим, тот длинноволосый мужик в шляпе на стенке действительно Бальмонт.

— ...Деньги на пьянку выделила из общака. Ты не против?

— Фу! Ну и жаргончик у тебя, Варвара Ивановна. Поди, у Толяна научилась.

— Какие мы, однако, цирлих-манирлих.

— Конечно, не против...

...Как только дойдём до Варвариного дома, сразу отваливаю к Кристине. Почему-то мне показалось, что, когда мы сегодня встретились, в глазах у неё промелькнул испуг. Нет, наверное, все-таки не испуг, а что-то другое. Как-то неожиданно встретились. Хотя в общем-то она знала, что мы уже в Теплогорске. Да нет, не испуг это, а какая-то растерянность, что ли. Будем считать, что от долгого усталого ожидания,

хотя опять же вроде не такого и долгого. Всего-то месяц примерно. Это кому долгое, а кому и недолгое. Лично Федя уже устал ждать...

...Они подходили к Варвариному дому. Дом уже отжил своё. По типу он, несомненно, примыкал к теплогорскому классицизму, но некоторые детали намекали на то, что, пожалуй, дом был срублен где-то в начале двадцатого века, а то и во время НЭПа. Дом буквально кланялся прохожим своим главным фасадом. Третье и четвертое бревна снизу на фасаде сгнили и, пробив дощатую крашеную обшивку, слегка выпирали наружу.

Ещё с утра, когда они только подъехали, Фёдор почти физически ощутил это состояние дома, как некий костный перелом. На что Варя с оптимизмом произнесла:

— Не бойсь, Федя. Срубные конструкции очень вязкие. Так что простоит наша изба ещё не один год. Впрочем, сей год мама приехала в последний раз. Мы уже договорились с соседями. Они разберут наш дом на дрова.

— Не жалко?

— Конечно, жалко. Хотя моя ностальгия постепенно гаснет. На полный ремонт мы с мамой не потянем. Да и зачем нам этот дом. Нас вполне устраивает наша однокомнатная. А так соседи ещё и деньги какие-то дадут.

Сейчас во дворе дома стоял узик с открытой дверцей, и Валера таскал оттуда их вещи.

— Валера, гитару мою не забудь.

— Слушаюсь, товарищ начальник.

Федя обратил внимание на старосоветское обращение Валеры. А и правда, как теперь называть женщину-начальника? Госпожа начальница? Как-то коряво. Господин начальник? Так она же женщина.

Рядом с домом, у поленницы, возле огромного чурбака-колоды, громоздились наколотые Валерой дрова.

— Варя, как же вы печку топите? Пожарные её не опечатали? — спросил Федя.

— Самое удивительное, что нет. Печки наши на своих столбах стоят как вкопанные, на них даже маленькой трещины нет, а трубу нам сосед лет пять как отремонтировал. Так что калиток для нас мама обязательно напечёт. Хотя эти твои пожарники свет нам отключили лет десять назад. Так что будет бал при свечах, Феденька.

Фёдор задумался: заходить сейчас в дом или сразу рвануть к Кристине.

...Голубое небо с облаками (кажется, по-латыни они называются кумулонimbusами) начало синеть. Вечер только-только занимался...

...Крыся тогда ему сказала:

– Смотри, какие интересные нимбостратусы.

– Название ещё красивее. Сразу тебе и нимб, и страсть.

Всё небо закрыла, казалось бы, сплошная пелена серых облаков, через узкие просветы которых пробивался яркий солнечный свет, местами слегка красноватый, а кое-где доходивший до багрового. Серость массы облаков быстро синела, переходя в черноту.

– Бежим! Сейчас как жажнет! А откуда ты названия облаков знаешь?

– Прямо-таки сейчас. Чуть попозже. Я после школы целый год работала наблюдателем на метеостанции. Шарики пускала. Высоту облаков замеряла. Оттуда и знаю. Бежим к автобусу! Успеем!

Уже на остановке (счастье, что там был навес) Фёдор решил тоже не ударить в грязь лицом перед подругой.

– Кстати, про облака. Помнишь, у Льва Николаевича, когда Пьер попадает в плен к французам, якшается с капитаном Рамбалем, рассказывая ему о своей несчастной любви, тот говорит ему: «Ля мур платоник. Ле нюаж». (Платоническая любовь, мол, всё это. Облака.) Ле нюаж тоже красиво.

Кристина серьёзно и медленно произнесла:

– Если это любовь, то всегда ле нюаж.

Подошёл автобус.

...Нет. Пожалуй, заходить в дом он сейчас не будет. Хотя надо бы. На всякий случай определить место для спанья. Вот если бы в доме была ванна или хотя бы душ...

Варвара словно прочитала его мысли:

– Федя, мы с мамой положим тебя в боковушку. Ты знаешь, где это?

– Спасибо. Знаю. Варя, я сейчас заходить не буду. Сразу пойду к Крысе.

Варя немного помолчала, потом грустно сказала:

– Всю компанию ты нам портишь, Федька. Да ладно, иди. Не обижай её.

Фёдор, немного отойдя от дома, тихонько запел:

– *Шивандазы, шивандазы.
Фундуклей и дундуклей.
Хорошо, что нет Варвары.
Без Варвары веселей.*

Кроме главной направляющей, в мозгу возникли ещё две мысли: колонка и цветочки. Обе мысли исключали присутствие свидетелей. Он шёл, внимательно присматриваясь к палисадникам ампирных изб.

Теплогорск почему-то любил хризантемы.

«Отцвели уж давно хризантемы в саду, а любовь всё живёт в моём сердце больном...» Ну их на фиг, эти хризантемы. Тоска зелёная.

А вот и розовый куст. Федя замедлил шаг.

Прошёл ещё раз по розовой стороне улицы, внимательно глядя на тюль занавески. Да, колышется тюль голубой. Впрочем, зачем ему воровать цветы, когда, наверное, это можно сделать вполне цивилизованно. На пути торчит местный торговый центр. Вот туда и зайдёт. Тем более что он вот-вот закроется.

...Чего только тут нет! Но цветами не торгуют. Да, не дошла ещё цивилизация до Теплогорска. Не дошла.

В закутке он заметил небольшую витрину с книгами и подошёл к ней. Пожилая продавщица уже убирала свой товар.

– Скажите, пожалуйста, – обратился к ней Фёдор, – где в Теплогорске находится книжный магазин?

– Он весь перед вами, молодой человек. Лет шесть назад его закрыли, а мне дали вот этот небольшой угол в торговом центре.

Фёдор осмотрел книги: сплошь женские детективы и любовные романы, несколько дорожных ярких детских книжек.

Продавщица подала ему красиво изданную книжку:

– Вот сегодня только получила. Всего один экземпляр в посылке оказался. Специально для вас. Шарль Бодлер, «Цветы зла».

– Спасибо. Беру.

Вот и цветочки для Крыси!

Федя расплатился и открыл книгу наугад.

*Постели нежные от ласки аромата,
Как жадные гроба, раскроются для нас,
И странные цветы, дышавшие когда-то
Под блеском лучших дней, вздохнут в последний раз.*

Что же это такое! Мрачнее некуда. И перевод того самого волосатого в шляпе. В сердце забилась неясная тревога. Хотя Федя уговаривал сам себя, что поэзия, мол, это одно, а реальная жизнь — совсем другое, и она, эта самая реальная жизнь, сегодня будет радостнее всех Бодлеров с Бальмонтами.

Почти стемнело, и он шёл по улицам, ища глазами относительно безлюдное место, где стояла бы водоразборная колонка. В пятиэтажках водопровод был, а жители остальных домов ходили за водой на колонки.

Как назло, колонки, мимо которых он шёл, все как одна стояли на открытых прилюдных местах.

Наконец-то то, что надо. Колоночка словно в рощице из молодых деревцев. Федя медленно, озираясь, подошёл к ней. Вроде никого. И ведра вдали не звякают. Он нашел сухое место, бросил туда куртку, снял свитер, рубашку, майку, сверху — «Цветы зла» и с наслаждением подставил под сильную струю лицо, голову, торс. Приходилось неудобно изгибаться, нажимая на ручку, но омовение всё-таки свершилось. Забрав свои вещички, он шёл, обнажённый до пояса, ожидая, когда просохнет. Лёгкий ветерок с привкусом только начавшейся осени быстро помог ему в этом. Он специально поплутал по нескольким кварталам, чтобы окончательно высохнуть, и подошёл к школе.

Школьный городок располагался почти на окраине. Двухэтажный монстр с огромным количеством лишённых архитектурной логики пристроек распластался, занимая целый квартал. Действительно — городок.

Федя обошёл его с тыла и на мгновение остановился перед зелёной дверью. Решил войти без стука, слегка потопав ногами на жалком подобии крылечка. Кристина медленно подошла к нему и осторожно обняла, нежно прильнув щекой к щеке. Он крепко сжал Крысю и почувствовал, что она пытается высвободиться. Он старался продлить объятие. Кристина продолжала осторожно высвобождаться:

— Федя, мне сегодня нельзя.

Внутри всё похолодело. Сердце вот-вот остановится. Он молча сел на табуретку.

Каморка была исключительно маленькой. Кровать под спальником в цветочек, стол с парой табуреток, двухконфорочная газовая пли-

та да пара книжных полок. Волосатик в шляпе был повешен и здесь.

— Крыся, вот тебе цветы... Правда, зла...

— Спасибо. Это лучшие цветы для меня. Я всё время хотела иметь своего Бодлера.

— А где основные твои книги?

— Рядом в чуланчике. Мне обещают комнату в пятиэтажке. Когда перееду, тогда и книги заберу. Ты есть хочешь?

У Феде от сегодняшних прогулок уже сосало под ложечкой.

— Только вместе с тобой.

Кристина начала собирать на стол.

— Вообще-то, я не готовлю. В школе в основном ем. У нас хорошие повара. А тут вчера купила кусок ветчины. Не посмотрела, а она оказалась сырокопчёной. Не разжевать. А здесь в комнатке нашла банку какого-то старого гороха. Дай, думаю, супчик сварю.

Кристина поставила на стол красивые фарфоровые тарелки. Перелила суп из кастрюли в роскошную сервизную супницу и на удивлённый взгляд Феде сказала:

— Из приданого. Мама мне сюда весь сервиз прислала.

Кристина подала Феде нож:

— Нарезь хлеба.

Сама разлила суп по тарелкам и продолжила:

— ...Купила в магазине пару картошечек...

Кристина поднесла ложку ко рту, и в этот момент из её глаз в тарелку закапали крупные слёзы:

— ...Пару морковочек, лучку; спассеровала их — и всё это в супчик.

Кажется, она совсем не замечает своих слёз.

— Ты ешь, ешь, Феденька. Вкусно?

Может, и правда, вкусно, но после первых ложек супчик как-то не пошёл. Положить ложку на стол Федя застеснялся.

Кристина же медленно продолжала есть свой горький суп:

— Мне восемнадцать часов дали русского и литературы. Факультатив ещё обещают. Так что скучать не придётся. А как ваша экспедиция?

— Вроде успешно. Варвара у нас умница.

Кажется, горечь супа только дошла до Кристины. Она отложила ложку.

— Когда обратно?

— Утром. Ночуем у Варвары дома.

— Оставайся, если хочешь.

– Да нет. Как-то неудобно. Меня ведь там ждут.

Он встал с намерением побыстрее уйти.

Подошла Кристина.

Фёдору пришлось поцеловать её, надолго ощутив горечь этого поцелуя.

– Когда ещё приедешь?

– Не знаю. Постараюсь, как удастся.

– Я буду ждать тебя, Феденька.

Кристина вышла за ним на крылечко и смотрела, смотрела, как он уходит.

А Фёдор не знал, куда идти. Он напрочь забыл дорогу к дому Варвары. Тем более что в темноте городок сразу сделался чужим и незнакомым. Он медленно шёл, не оборачиваясь, с трудом выдерживая на себе взгляд Кристины. Наконец свернул за угол, остановился и ощутил полную беспомощность. Куда идти? И он пошёл куда глаза глядят. К счастью, скоро увидел громаду торгового центра. Начал вспоминать, как он шёл к нему от Варвары. С трудом, но вспомнил. Теперь не заблудится. И сознательно, уже без всякой тревоги он ещё раз замедлил шаг. Но как шаг ни замедляй, всё равно попадёшь к Варваре. Во дворе стоит узик, а в неровно освещённом окне дома за занавеской что-то происходит. Надо врубаться в компанию за столом. Кричалку, что ли, какую придумать? Варварин дом впечатлял не только фасадом, но и нутром. Впечатление незабываемое. Прямо от входа из сеней пол в комнатах покато кренился к фасаду, и, чтобы плоскости, скажем, стола, комода, шкафа, кровати были параллельны горизонту, под их ножки со стороны фасада было понатыкано кубиков, щепочек, спичечных коробков, старых книг, в общем всего, что под руку попадётся. Стулья же и табуретки стояли на таком полу вкривь и вкось. На комод, покрытом изящной кружевной белой скатертью в стиле 1950-х годов, красовались трельяж и две длинные узкие трёхгранные вазы голубого стекла, а может, даже и хрусталя, с воткнутыми в них по бумажному цветку (один белый, один красный). Варвара называла их левкоями. Фёдор отметил, что за цветочками следят. Во всяком случае, пыли нет.

Кричалка придумалась. Он собрался с духом, вошёл в дом и сразу заорал:

– Федота нету, Толяна нету!

Привет участникам банкету!

На что Варвара, сидящая с гитарой во главе

стола, прислонившись спиной к фасадной стене, пропела:

– *Самолёт летит, колёса стёрлись.*

Мы не звали вас, а вы припёрлись.

– Феденька, не сердись. У нас действует институт штрафных. Садись к столу и штрафуй себя сколько хочешь.

У стола с одной стороны, скособочившись, сидел Валера, с другой столь же кособоко сидела Галина Ивановна, мама Вари.

Федя сел рядом с Галиной Ивановной.

Стол являл собой буйство яств и пиршество. Самовар с заварным чайником на конфорке занимал центральное место. Рядом красовалось блюдо с калитками. Стол буквально был заставлен тарелками с какими-то салатиками, колбаской, красной рыбкой, грибочками, отварной картошечкой. Чего только душа не пожелает! Очень украшали стол две бутылочки армянского коньячку и бутылка марочного массандровского портвейна, который потягивала Галина Ивановна. На столе, комод и на печке с лежанкой горели свечи в позеленевших медных подсвечниках, экспедиционных трофеях. Загадочные тени жили на стенах какой-то своей жизнью.

– Продолжаем концерт по заявкам, – возгласила Варвара. – Пилот Валерий возжелал послушать несравненную оруджавовскую «Наденьку». Не грусти, герой!

И Варвара ударила по струнам.

Федя налил себе неполный стакан коньяку, одним махом осушил его и зажевал бутербродом с красной рыбкой.

Варвара завлекала. Шоферюга млел.

– *Из окон корочкой несет поджаристой,*

За занавесочкой мельканье рук.

Здесь остановки нет, а мне – пожалуйста!

Шофер автобуса – мой лучший друг.

Здесь остановки нет, а мне – пожалуйста!

Шофер автобуса – мой лучший друг.

Я знаю, вечером ты в платье шелковом

Пойдешь по улице гулять с другим.

Эх, Надя, брось коней кнутом нащелкивать,

Попридержи коней – поговорим!

Эх, Надя, брось коней кнутом нащелкивать,

Попридержи коней – поговорим!

*А кони сытые колышут гривами,
Автобус новенький спешит-спешит.
Эх, Надя-Наденька, мне б за двугривенный
В любую сторону твоей души.
Эх, Надя-Наденька, мне б за двугривенный
В любую сторону твоей души.*

*Она в спецовочке такой промасленной,
Берет немислимый такой на ней.
Эх, Надя-Наденька, мы были б счастливы,
Куда же гонишь ты своих коней?
Эх, Надя-Наденька, мы были б счастливы,
Куда же гонишь ты своих коней?*

*Но кони в сумерках колышут гривами.
Автобус новенький спешит-спешит.
Ах, Надя-Наденька, мне б за двугривенный
В любую сторону твоей души!
Ах, Надя-Наденька, мне б за двугривенный
В любую сторону твоей души!*

Песня кончилась.

— Федя, провозглашай тост, — скомандовала Варвара.

— Я предлагаю выпить за здоровье Галины Ивановны.

Выпили. Закусили.

Варвара подошла к печке-лежанке, на которой стоял патефон с пластинками, завела механизм и поставила пластинку:

— Концерт продолжается. По просьбе Галины Ивановны Черноголовой исполняется танго «Левкой». Поёт Зинаида Тарская. Дамы приглашают кавалеров.

Варвара положила руку на плечо Валеры, который аппетитно обхватил её, и они слились в экстазе.

Да, трудно танцевать на покато́м полу. Галине Ивановне ничего не оставалось, как пригласить Фёду.

*Чуть белеют левкой
В голубом хрустале.
Мир в безмолвном покое,
Ночь прошла по земле...*

— Это наше семейное танго. Моя бабушка перед самой войной вышла замуж, и они с дедушкой сделали себе подарок — патефон с пластинками. Моя мама никогда не видела

своего отца. Она родилась в 1942-м. Дед ушёл на войну летом 1941-го. Ни одного письма от него не было. Пропал, и всё.

Пластинка кончилась. Варвара снова завела патефон и поставила пластинку на бис.

*Лишь под бледной рукою
Тихо клавиши плачут,
Нежно сердце печалы
В синей праздничной мгле...*

— У мамы та же история. Только встретились, начали жить вместе. Хоп! Братская ГЭС. Папочка почему-то не представлял жизни без этой ГЭС. Мама говорила, что присылал какие-то деньги сначала, а потом перестал. Так что я своего отца тоже не видела...

Варвара уже в третий раз попыталась поставить пластинку, на что Галина Ивановна сказала:

— Варя, поимей совесть. Перестань.

Уже за столом после очередного тоста за успех экспедиции Федя ожидал рассказа Галины Ивановны о себе и отце Вари. Потом у него мелькнула мысль, что у Галины Ивановны и Вари одинаковые отчества. Так что, наверное, и у Галины Ивановны такая же судьба.

После очередной рюмки Галина Ивановна тихонько сказала Фёде:

— Очень хочется, чтобы Варя была счастлива. Если бы ты знал, Федя, как она меня беспокоит. Какие-то вы очень уж не такие, какими были мы в вашем возрасте.

Федя поднял тост за здоровье Вари. Варя — за здоровье Феди. И тут он почувствовал, что ещё хоть грамм и он упадёт лицом в салат. Алкоголь плохо ложился на сегодняшний итог какого-то куска жизни. Фёдор, качаясь и удивляясь пьяному полу, пошёл к себе в боковушку. Разделся и рухнул. Полной отключки не получилось. Из-под одной ножки кровати вылетел кубик. Так спать никак не выйдет. Фёдор с трудом встал с кровати, опустился на четвереньки и стал думать, как он теперь встанет. Потом вспомнил, зачем он так встал, и начал шарить впотьмах в поисках кубика. Было чуточку радостно, что хоть пол по крайней мере чистый. Нашёл кубик, поставил его на место и только теперь успешно рухнул.

Среди ночи возникла потребность, и он вынужден был совершить восхождение в сени.

Там была уборная. В окошечко увидел «за занавесочкой мельканье рук» в уазике. Вернувшись, какое-то время не мог уснуть, к тому же за стенкой беспокойно и слышимо ворочалась Галина Ивановна.

Утром встали поздно. Попили чаю с калитками. Чаёвничали молча, не вспоминая вчерашнее, хотя было что вспомнить. Федя прямо ощущал желание Варвары спросить его, почему он не остался у Кристины. Чувствовалась какая-то разбитость компании, вкривь и вкось сидевшей у стола.

Наконец Варвара спросила:

– Валера, к рейсу готов?

– Все системы работают нормально, Варвара Ивановна. На заправку и домой.

– Калитки все с собой заберите, – сказала Галина Ивановна.

– Спасибо, мама. Заберём. А ты сколько времени думаешь сидеть здесь, в Теплогорске?

– Наверное, недолго. Вот как договорюсь с соседями о цене, так и поеду. Потом ты приедешь – помоги с вещами.

– По сути, тут и вывезить нечего. Ладно. Мы с Валерой приедем. Поможешь, Валера?

– О чём речь! Натюрлихь.

Выехали и добрались без приключений.

* * *

Прошли годы.

Фёдор, как ему казалось, нашёл радость в музейной работе. Во всяком случае, она его не тяготила. С Варварой у него были вполне дружеские и одновременно несколько отстраненные отношения. Ничто не предвещало изменений в судьбе. Но вот как-то на работе отмечали день рождения Варвары: поздравления, скромный фуршет. И надо было ему сунуться:

– Варя! Эпиграмму можно?

– Конечно, Федя.

*– Горит восток зарёю новой.
На Спасской башне пять утра.
Не дремлет лишь Черногорова,
Взалкав народного добра.
И, невзирая на погоду,
По всей Карелии идёт.
Берёт искусство у народа.
Себя народу отдаёт.*

Варя с деланным возмущением произнесла:
– Фу, Федя.

А Фёдор продолжил:

*– Меня лишить ты хочешь слова,
Но успеваю крикнуть я:
«Гори, сияй, Черногорова,
На ниве прялок и шитья!»*

Назавтра Варвара не ответила на приветствие Феди и перестала с ним разговаривать.

Через пару недель он спросил её, что с ней, и получил ответ:

– Я с тобой не разговариваю.

Работать стало невозможно. С ним перестала разговаривать не только начальница, но и, по его мнению, единственный человек в музее, с которым только и можно разговаривать.

Как не хочется, но надо уходить. Тем более подвернулось место в областном департаменте культуры. Каким-то инспектором. В общем, всё равно каким. Тем более зарплата там в два с половиной раза больше музейной. Чего не работать! И он ушёл. Снова любовь с первого взгляда. Лада работала в соседнем отделе. Курировала музыкальные коллективы. После года ухаживаний он сделал предложение. Они поженились и прожили вместе чуть больше полугода.

Развелись без всякого сожаления. Федя слышал, что Лада заикнулась одной из своих подруг о некой его якобы чёрствости. Это он-то чёрствый! Да бог с ней, с Ладой. У него намечался новый роман.

А где же Кристина? Этого он не знал. Они обменялись тогда парой писем. Зимой он почему-то не смог к ней приехать, а весной она рассчиталась и уехала из Теплогорска. Никому из своих знакомых она не оставила адреса. Федя спрашивал если не всех, то многих. Никто не знал, где она.

* * *

Сегодня Федю обуяла тоска зелёная. Разорванные мысли было не собрать в кучу, и он почему-то решил позвонить Варваре.

– Варя, привет.

– Привет, коль не шутишь. Странно, что ты позвонил. Но я рада твоему звонку.

— Слушай, Варя, а пластинки вы тогда вывезли из Теплогорска?

— Да. Патефон, правда, я выкинула на помойку. В музее у нас, ты знаешь, есть подобные. А пластинки, конечно, жалко выбрасывать.

— Варя, дай послушать то танго. Название я уже не помню.

— А, «Левкой». К несчастью, эта пластинка разбилась.

— Галина Ивановна, наверное, очень сожалела.

— Ещё бы. Мама заплакала даже. А тебе ещё патефон искать бы пришлось. В чём проблема, Федя? В каком веке ты живёшь? Компьютер у тебя включён?

— Включён.

— Вот и набери в поиске: танго «Левкой».

— Спасибо.

Фёдор набрал.

ЛЕВКОЙ

Музыка Н. Фурмана,
слова Б. Тимофеева

*Ночь пришла так скоро,
Стало вдруг темно.
Лишь немым укором
Луч луны глядит в окно.*

*Вновь воспоминанья
Жгут сердце огнем,
И поет рояль
Опять о нем.*

*Чуть белеют левкой
В голубом хрустале.
Мир в безмолвном покое,
Ночь прошла по земле.*

*Лишь под бледной рукою
Тихо клавиши плачут,
Нежно сердце печали
В синей праздничной мгле.*

*С этим милым мотивом
Столько радости слито.
Ты любил эту песню,
И меня ты любил.*

*Но от песни счастливой
Тихо клавиши плачут.
И мелодию эту,
Как меня, ты забыл.*

Лирическое танго. Мелодия и текст воспроизведены с записи на грампластинке, исполнение З. Тарской не позднее 1941 года.

Тоска не исчезла. Обволокла ещё сильнее. Но всё равно. Надо было жить дальше.

□

Борис Александрович ГУЩИН

(род. в 1941 г.).

Старший научный сотрудник

Государственного историко-архитектурного
и этнографического музея-заповедника «Кижь».

Историк, этнограф, писатель, театральный критик,
член Карельского Союза писателей и Союза театральных деятелей.

Автор книг «Не только о Кижях. (Картинки прошлого,
повести, рассказы, пьесы, из воспоминаний)» (2004 г.),

«Тысяча вторая ночь» (2011 г.).

Постоянный автор журнала «Север» с 1976 года.

Живет и работает в Петрозаводске.

